

синонимов (**инфекционный** – *заразно*); грамматическое варьирование квазисинонимов (**болезнь** – *патологический, нарушаться*); действие – инструмент (**слушать** – *трубка, фонендоскоп*); **оперировать** – *скальпель, хирургический нож*); действие – результат действия (**сломать** – *перелом*; **зашивать** – *шов*) и др.

Результаты ассоциативного эксперимента, примененного при исследовании языкового сознания медиков, позволяют сделать следующие выводы:

1) «полевое» отражение действительности реально существует в сознании носителей языка; слова-стимулы, относящиеся к ЛСП «Болезнь», «притягивают» к себе слова-реакции, значительная часть которых также будет входить в состав данного поля; слова-реакции хорошо группируются по парцеллам; парцеллы могут относиться как к ядру, так и к периферии поля;

2) большая доля пересечений реакций со стимулами приходится на слова, объединенные одним словообразовательным гнездом;

3) профессиональная принадлежность информантов обуславливает специфику их реакций;

4) узкая специализация людей в пределах одной профессиональной группы выявляет более очевидно специфику их реакций;

5) слова-стимулы и слова-реакции могут быть разнообразных парадигматических и синтагматических отношений.

Таким образом, психолингвистический ассоциативный эксперимент является весьма продуктивным и информативным приемом в изучении профессиональной обусловленности языкового

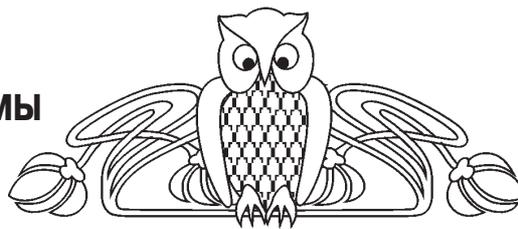
сознания медицинских работников. Полученные результаты позволяют судить об отличиях в строении ЛСП «Болезнь» в речи отдельных профессиональных групп. Проведенные исследования показали, что профессиональная деятельность детерминирует индивидуальное языковое сознание отдельной личности – носителя языка и культуры. В дальнейшем было бы интересно проследить универсальные и национально-культурные признаки, проявляющиеся в языковом сознании медицинских работников разных специальностей.

Примечания

- 1 Тарасов Е. Языковое сознание – перспективы исследования (предисловие) // Языковое сознание : содержание и функционирование : XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации : тез. докл. М., 2000. С. 3.
- 2 Словарь ассоциативных норм русского языка / под ред. А. Леонтьева. М., 1977.
- 3 Ассоциативный тезаурус русского языка. Русский ассоциативный словарь : в 2 т. М., 1994 (Т. I), 1996 (Т. II).
- 4 Уфимцева Н. Русские : опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания: сб. науч. тр. М., 1996. С. 139.
- 5 Привалова И. Интеркультура и вербальный знак. М., 2006. С. 321.
- 6 Тарасов Е. Указ. соч. С. 3.
- 7 См. например: Одиноква Н. Специфика профессионально детерминированных ассоциативных реакций (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2004.

УДК 81'1

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ: ПРОБЛЕМЫ ДЕФИНИЦИИ И КЛАССИФИКАЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ

Р. З. Назарова, М. В. Золотарев

Саратовский государственный университет
E-mail: rz-nazarova-dean@rambler.ru; mizrkb@gmail.com

В статье рассматривается вопрос определения и классификации прецедентных феноменов с позиций комплексного подхода. На основе проведенного анализа дается определение и выделяются основные и дополнительные признаки прецедентных феноменов, а также строится иерархия прецедентных феноменов.

Ключевые слова: прецедентные феномены, признаки прецедентных феноменов, иерархия прецедентных феноменов, языковая личность, теория прецедентности.

Precedent Phenomena: Problems of Definition and Classification

R. Z. Nazarova, M. V. Zolotarev

The article addresses the problem of precedent phenomena definition and classification from the point of view of the complex approach. Based on the undertaken analysis, the authors give the definition of precedent phenomena, distinguish their main and complementary characteristic features as well as build the hierarchy of the precedent phenomena.

Key words: precedent phenomena, characteristic features of precedent phenomena, hierarchy of precedent phenomena, lingual identity, theory of precedent phenomena.

В отечественной лингвистике в последние годы развиваются несколько основных подходов исследования прецедентных феноменов. Один из них совмещает положения теории языковой личности и когнитивной лингвистики (Ю. Н. Караулов, Д. Б. Гудков, В. В. Красных, И. В. Захаренко, Д. В. Багаева, Ю. Е. Прохоров, В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова, Е. А. Нахимова, Н. А. Голубева, В. Л. Латышева, В. И. Макаров, Н. В. Петрова). Другой подход основывается на достижениях молодой отрасли лингвистики – лингвокультурологии (С. Л. Кушнерук, Г. Г. Слышкин, Л. И. Гришаева). Наконец, третий рассматривает прецедентные феномены с позиций теории интертекстуальности (А. Е. Супрун, Н. М. Орлова, Г. Д. Распаева, Н. В. Иноземцева, Н. А. Кузьмина, А. Д. Васильев, И. И. Яценко, А. А. Евтюгина, С. С. Чистова). Несмотря на то что столь большое количество ученых посвящают свои работы изучению прецедентных феноменов, пока нельзя уверенно говорить о том, что данное явление всесторонне исследовано. Перечисленные выше системы лингвистического знания, в рамках которых изучаются прецедентные феномены, в некоторых случаях допускают разные трактовки базовых понятий и выделяют в качестве основных и второстепенных различные признаки прецедентности. Все это, на наш взгляд, показывает, что языковая прецедентность – явление сложное и многогранное, требующее комплексного всестороннего подхода к своему изучению.

Впервые термин «прецедентный текст» был употреблен Ю. Н. Карауловым в работе «Русский язык и языковая личность». Ученый рассматривал вопрос прецедентных текстов в рамках теории языковой личности, объясняя их употребление прежде всего коммуникативно-деятельностными потребностями личности¹.

Согласно Ю. Н. Караулову, прецедентные тексты обладают такими основными отличительными признаками, как хрестоматийность и реинтерпретируемость. Объясняя понятие хрестоматийности прецедентных текстов, ученый высказывает обоснованное, на наш взгляд, предположение, что знакомство языковой личности с прецедентными текстами происходит в процессе обучения в школе и в процессе социализации, так как «если даже они [прецедентные тексты] не входят в программу общеобразовательной школы, если даже их там не изучали, то все равно все говорящие так или иначе знают о них, – прочитав их сами или хотя бы понаслышке»². В связи с этим необходимо подчеркнуть важность осведомленности носителей языка о прецедентных текстах, поскольку «знание прецедентных текстов есть показатель принадлежности к данной эпохе и ее культуре, тогда как незнание, наоборот, есть предпосылка отторженности от соответствующей культуры»³. Однако Ю. Н. Караулов отмечает и временную непостоянность прецедентных текстов. Он полагает, что со временем их база меня-

ется: какие-то прецедентные тексты устаревают, их сменяют новые.

Ю. Н. Караулов также описывает еще один аспект. Рассуждая о способах существования прецедентных текстов, ученый подчеркивает, что прецедентным текстам присущ семиотический способ существования, при котором «обращение к оригинальному тексту дается намеком, отсылкой, признаком, и тем самым в процесс коммуникации включается либо весь текст, либо соотносимые с ситуацией общения или более крупным жизненным событием отдельные фрагменты; в таком случае весь текст или значительный его фрагмент выступают как целостная единица обозначения»⁴. На наш взгляд, данное свойство прецедентных феноменов является одним из определяющих; оно позволяет выявлять прецедентные тексты из потока речи. Для иллюстрации данного положения рассмотрим следующий пример:

А: Он часто ездил в Москву.

В: Ах, да! Москва.... как много в этом звуке...⁵

В данном примере одно и то же имя собственное (Москва) и употребляется в качестве топонима (реплика А), и входит в состав прецедентного высказывания (реплика В), выражающего особое чувства говорящего к данному городу путем повторения строчки из произведения А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Во второй реплике прецедентное высказывание воспринимается как целостная единица, несущая определенный смысл.

Таким образом, для Ю. Н. Караулова основными признаками прецедентных текстов являются:

- 1) значимость в эмоциональном и познавательном аспекте;
- 2) хрестоматийность (широкая сфера бытования, общеизвестность);
- 3) неоднократная возобновляемость (повторяемость);
- 4) реинтерпретируемость (способность воплощаться в других формах искусства, помимо словесного);
- 5) хронотопическая маркированность (прецедентные тексты принадлежат определенной эпохе и культуре);
- 6) семиотический способ существования.

Перечисленные признаки позволяют довольно четко отличить прецедентные тексты от текстов другого рода, также они описывают некоторые особенности функционирования прецедентных текстов в дискурсе языковой личности.

Однако не только тексты могут обладать прецедентным характером. Согласно теории прецедентности, большой вклад в развитие которой внесли Д. Б. Гудков, В. В. Красных, И. В. Захаренко и Д. В. Багаева, существует целый ряд языковых феноменов, обладающих прецедентным характером.

Вот какие феномены ученые определяют как прецедентные:

1) хорошо известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества (имеющие сверхличностный характер);

2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане;

3) обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества⁶.

К прецедентным феноменам Д. Б. Гудков, В. В. Красных, И. В. Захаренко и Д. В. Багаева относят прецедентный текст, прецедентную ситуацию, прецедентное высказывание и прецедентное имя. Ученые полагают, что прецедентный текст и прецедентная ситуация являются более широкими понятиями и зачастую в речи не могут быть использованы в своем полном объеме. В связи с этим они вводят в оборот такое понятие, как символ прецедентного текста или прецедентной ситуации, в качестве которых могут выступать прецедентное имя и прецедентное высказывание⁷. По мнению ученых, прецедентные тексты и прецедентные ситуации могут актуализироваться прецедентными именами или прецедентными высказываниями.

Таким образом, происходит расширение выдвинутого Ю. Н. Карауловым понятия. Данная тенденция на расширение трактовки характеризуется не только введением нового родового понятия, но и пониманием термина «текст» в широком смысле. Так, например, В. В. Красных ставит вопрос о протяженности прецедентного текста и высказывает идею о том, что само понятие «текст» может восприниматься очень широко. Указывая на работы Ю. М. Лотмана, она подчеркивает, что вся культура может восприниматься как один большой текст⁸, что, например, позволяет определять разные памятники культуры (например собор Василия Блаженного) как невербальные прецедентные тексты. Данная трактовка обуславливает классификацию всех прецедентных феноменов на две большие категории: вербальные и невербальные⁹.

Такая широкая трактовка прецедентного текста и появление термина «прецедентный феномен» переносит рассматриваемый вопрос в другую плоскость. Положения теории языковой личности не могут объяснить всех аспектов употребления и функционирования прецедентных феноменов, что заставляет искать новые методы изучения явления прецедентности, используя дискурсивные и лингвокультурологические подходы.

Так, например, Е. Ю. Прохоров подчеркивает, что употребление прецедентных текстов связано с «системой знаний о мире и образах мира, которые реализуются в данной этнокультуре»¹⁰. Соответственно, изучение прецедентных текстов может находиться в области лингвокультурологии и подвергаться лингвокультурологическому анализу.

Данный вектор исследования получил свое распространение в последнее десятилетие. Основными особенностями данного подхода

являются: а) восприятие прецедентного феномена как репрезентатора артефакта человеческой культуры и б) наиболее широкое понимание текста (соотносимое с теорией семиотики культуры Ю. Н. Лотмана). Данные особенности обуславливают наиболее широкое понимание понятия «прецедентный текст». Например, Г. Г. Слышкин отмечает, что прецедентный текст «может быть любой протяженности: от пословицы или афоризма до эпоса»¹¹. Снимая (неоправданно, на наш взгляд) некоторые ограничения в первоначальном определении прецедентного текста, введенного Ю. Н. Карауловым, в отношении таких критериев, как широта и время его существования и употребления (Г. Г. Слышкин считает, что существуют тексты прецедентные для узкого круга людей и тексты, становящиеся прецедентными на относительно короткий срок, например рекламный слоган), ученый максимально расширяет понятие, что несколько размывает его границы. Под предложенное определение теперь попадают такие явления, как внутритекстовые аллюзии, фразеологизмы, пословицы и поговорки.

Оппозицию данному лингвокультурологическому подходу составляет когнитивный подход. Например, правомерной представляется точка зрения В. В. Красных, которая подвергала критике некоторые идеи Ю. Е. Прохорова. Она высказала несогласие с тем, что сами прецедентные тексты в полном виде могут быть использованы в речи, ибо «они есть нечто большее»¹². Исследователь утверждает, что за каждым прецедентным текстом скрывается инвариант восприятия, который будет иметь различные характеристики в индивидуальном и общекультурном планах. Поэтому прецедентные тексты не могут быть полностью употреблены в речи. Таким образом, В. В. Красных возвращается к термину «символ прецедентного текста», который служит средством актуализации прецедентных текстов в речи¹³, что, на наш взгляд, вполне объективно объясняет механизм употребления прецедентных феноменов в речи.

Последующая разработка теории прецедентности проводилась в свете когнитивного подхода (Д. Б. Гудков и В. В. Красных). Понятие «концепт» и теория прототипов использовались для описания структуры и механизмов функционирования прецедентных феноменов. Д. Б. Гудков и В. В. Красных рассматривали особенности употребления прецедентов в речи и способы хранения концептов прецедентов в языковом сознании. Масштабность исследований и авторитет ученых сделали тему прецедентных феноменов необычайно популярной, что породило появление огромного количества работ на эту тему, отличительной особенностью которых является то, что авторы рассматривают прецедентные феномены в их функционировании в разных типах дискурса. В частности, были подвергнуты исследованию политический (О. А. Ворожцова, А. Б. Зайцева), молодежный (Л. Ю. Федорова), художественный

(Е. Ю. Попова, С. В. Банникова), публицистический (Л. Э. Рогозина, Е. И. Карташевой), мультипликационный (М. И. Косарев), фольклорный (К. А. Богданов), юмористический (Ю. В. Щурин, А. А. Проскурина), кинематографический (Е. В. Скворцова) и другие виды дискурса.

В результате многочисленных исследований, проводимых в рамках дискурсивно-когнитивного подхода, первоначальное определение, данное Ю. Н. Карауловым, много раз дополнялось. Приведем определение Н. В. Смыкуновой, которое, на наш взгляд, наиболее полно отражает основные тенденции данного подхода:

«Прецедентные феномены – это единицы дискурса, регулярно возобновляемые в речи, известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества, имеющие общий минимизированный коннотативно окрашенный инвариант восприятия, обращение к которому понятно без дополнительной расшифровки»¹⁴.

Данное определение старается снять сразу несколько вызывающих полемику вопросов. Во-первых, подчеркивается широкая известность прецедентных феноменов среди представителей определенного лингвокультурного сообщества (прецеденты, известные узкому кругу людей, в расчет не принимаются). Во-вторых, обязательным критерием является наличие определенного инварианта восприятия, закрепленного в коллективном языковом сознании определенного сообщества людей. В-третьих, процесс декодирования прецедентных феноменов не должен вызывать затруднений у носителей языка, соответственно, это позволяет предположить, что для создателей данного определения не только широкая известность прецедентных феноменов является обязательным условием, но также и клишированность их употребления. И наконец, употребление прецедентных феноменов должно обладать константным характером.

Таким образом, большинство из вышеперечисленных авторов выделяют следующие основные признаки прецедентных феноменов:

- 1) инвариантность;
- 2) воспроизводимость;
- 3) клишированность.

К перечисленным признакам представляется возможным добавить еще два: эталонность и аксиологическая маркированность.

Об эталонности прецедентных феноменов впервые упоминает И. В. Захаренко. Ученый отмечает, что успех функционирования прецедентов в речи зависит от их способности выступать неким эталоном, «меркой» для определенного явления действительности; носители языка могут прибегать к коллективной памяти, находя там определенные тексты, имена, ситуации, схожие с явлениями настоящей действительности и, следовательно, способные их описывать¹⁵. Таким образом, в самом широком смысле прецедент есть шаблон, который используют носители языка для

описания ситуаций действительности. Данная идея тесным образом связана с понятием стереотипности языкового поведения, тенденции людей не придумывать что-либо новое, но использовать уже готовые обороты и клише.

О наличии у прецедентов ценностной составляющей написано большое количество работ (Г. Г. Слышкин, Л. Ю. Федорова, Е. А. Нахимова, Л. И. Гришаева, Е. Н. Горбунова и др.), основной тезис многих заключается в том, что ценностная составляющая обуславливает закрепленность (пусть даже на короткий срок) прецедентов в дискурсе носителей языка и стимулирует их употребление в речи. Однако ценностный аспект «оказывается величиной относительной»¹⁶, так как со временем состав прецедентов меняется.

С нашей точки зрения, ценностная составляющая прецедентов имеет двойственную природу. С одной стороны, прецеденты могут играть роль неких «культурных скреп», сцепляющих отдельные культурные пласты и исторические эпохи в единую систему (см. работы Л. И. Гришаевой и Е. В. Скворцовой). С другой стороны, прецеденты есть лишь отражение ценностных представлений об окружающей действительности, общественных и личностных взаимоотношениях, нравственных приоритетах, характерных для определенного социально-исторического этапа и специфичных для определенного лингвокультурного сообщества¹⁷.

Данная особенность прецедентных феноменов отражает различные ценности, присущие определенному лингвокультурному сообществу на определенном этапе его развития, позволяет сделать вывод о том, что прецедентные феномены являются, в первую очередь, единицами дискурса языковой личности, а не единицами языковой системы в целом. При этом прецеденты обладают достаточно неустойчивой семантикой: прецедент «не имеет устойчивого, закрепленного за ним переносного значения, что позволяет варьироваться его актуальному смыслу в довольно широком диапазоне»¹⁸. Поэтому довольно трудно говорить о каком-то одном основном значении прецедентного феномена. Как показывает практика, один и тот же прецедентный феномен может обозначать различные понятия в зависимости от контекста употребления. Например, прецедентное имя в разных контекстах может актуализировать как внутренние качества «прецедентной личности», так и ее внешние атрибуты/признаки. Оно также может отражать некоторые факты, связанные с прецедентным текстом или с прецедентной ситуацией, в которых фигурировала «прецедентная личность». Поэтому можно заключить, что «прецедентные феномены проявляются в употреблении; вне контекста коммуникации говорить о проявлении их прецедентных свойств (метафоричности, регулярной воспроизводимости) не приходится»¹⁹.

В связи с этим представляется весьма правомерным предположение, высказанное

С. Н. Долевым, который считает, что концепты прецедентных феноменов имеют инвариативную и вариативную части²⁰. Под инвариативной составляющей подразумевается наличие неких дифференциальных признаков прецедентного феномена, которые известны достаточно широкой аудитории и обязательно присутствуют в структуре индивидуального концепта прецедентного феномена каждой языковой личности. Вариативная составляющая носит индивидуальный характер и зависит от особенностей апперцепции языковой личности (под апперцепцией понимают влияние предыдущего опыта на восприятие новой информации²¹). Таким образом, структура концепта прецедентного феномена подразумевает наличие определенного ядра (инвариант) и периферии (вариативная, индивидуальная составляющая). Рассмотрим два примера, в которых один и тот же прецедентный феномен будет использован в разных значениях.

(1) *Страстный мачо, любимец женщин, этакий д'Артаньян.*

(2) *Позиция «Я – д'Артаньян, а все кругом... нехорошие люди» уж точно выдает в руководителе такого эйфорического мизантропа и может служить только отрицательной характеристикой²².*

Прецедентное имя «д'Артаньян» в примере 1 и в примере 2 используется в атрибутивной функции. В примере 1 прецедентное имя характеризует мужчину как искателя любовных побед, в то время как пример 2 актуализирует причастность человека к избранному кругу. Использование прецедентного имени «д'Артаньян» в примере 2 является более традиционным и отражает некоторые инвариативные признаки данного прецедентного феномена. В примере 1 употребление прецедентного имени построено на основе индивидуального восприятия литературного героя произведений А. Дюма.

Итак, прецедентные феномены занимают определенное место в структуре языковой личности, реализуются в ее дискурсе и отражают особенности не только индивидуальной, но и коллективной картин мира. В связи с этим правомерным представляется тезис о том, что источником прецедентных феноменов могут выступать события и факты, отражающие жизнь определенной языковой личности, а также определенного лингвокультурного сообщества. Следовательно, такое свойство прецедентных феноменов, как известность, может быть использовано для построения иерархии прецедентных феноменов в сознании языковой личности. Идея построения подобной иерархии принадлежит С. Н. Долеву. Несколько модифицируя его теорию, представим данную иерархию в виде следующей схемы (рисунок).

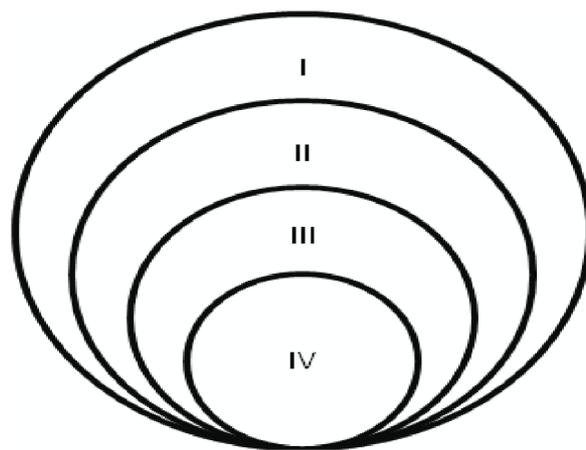
Согласно нашей иерархии, внешний, первый, круг составляют прецедентные феномены, хорошо известные в определенном лингвокультурном

сообществе. Такие прецедентные феномены известны практически любому представителю, именно их Ю. Н. Караулов характеризовал как «хрестоматийные». Стоит отметить, что данные прецедентные феномены должны быть известны не только современникам языковой личности, но и ее предшественникам. На периферии этого круга находятся прецедентные феномены, характерные для определенной исторической эпохи. Вытеснение же данных прецедентных феноменов с периферии первого круга во второй происходит со сменой поколений. Например, такое прецедентное имя, как *Пушкин*, не скоро перейдет из первого круга во второй в связи со значимостью вклада А. С. Пушкина в развитие русского культурного сообщества, и вот такое прецедентное имя, как *Чубайс*, обращение к которому в 90-е гг. XX столетия было довольно частым (включая не только дискурс СМИ, но и бытовой дискурс, что находило свое отражение в многочисленных анекдотах и поговорках), сейчас практически не употребляется, а если и будет употреблено в качестве прецедентного имени, то останется понятным только социальной группе определенного возраста.

Второй круг составляют прецедентные феномены, известные большой социальной группе. Критериями для выделения данных больших социальных групп могут выступать гендер, возраст, социальный статус, профессия, религиозные предпочтения и др.

Третий круг составляют прецедентные феномены малых социальных групп, таких как семья, рабочий коллектив, компания друзей и др.

Четвертый круг составляют индивидуальные прецедентные феномены, отражающие языковое сознание отдельной языковой личности, ее кругозор и интересы.

Иерархия прецедентных феноменов: I – ПФ, хорошо известные в данном ЛКС, II – ПФ, известные большой социальной группе, III – ПФ, известные малой социальной группе, IV – Индивидуальные ПФ. Сокращения: ПФ – прецедентные феномены, ЛКС – лингвокультурное сообщество

Важно отметить, что, по нашему мнению, перемещение прецедентных феноменов может наблюдаться как из внутреннего круга во внешние, так и наоборот. Обратное движение характерно для прецедентных феноменов, теряющих свой «прецедентный» характер. Потеря прецедентным феноменом такого своего свойства, как известность, обуславливает утрату основного признака: отсылка на известный текст или ситуацию. Если никто не помнит источника прецедентного феномена или даже не знаком с ним понаслышке, то такой прецедентный феномен просто перестает быть прецедентным, так как отсылка на первоисточник перестает быть возможной.

Представляется верным предположить, что возникновение прецедентных феноменов происходит на индивидуальном уровне (например, в случае создания текстов, которые в последующем могут приобрести статус прецедентных) или же на уровне малых групп (в случае разнообразных исторических событий и ситуаций). Получая широкую известность, данные прецедентные феномены имеют возможность закрепиться в сознании большой группы людей и приобрести статус национальных, культурных или цивилизационных (в зависимости от широты распространения). На устойчивость закрепления прецедентных феноменов будут влиять многие факторы. Однако, вероятно, самую главную роль в процессе закрепления прецедентных феноменов будет играть их ценностная составляющая. Если прецедентный феномен отражает какое-либо явление или факт действительности, являющийся актуальным и особенно ценным для данного лингвокультурного сообщества, то он сможет надолго закрепиться в коллективной памяти носителей языка.

Отметим, что в различные исторические эпохи условия формирования прецедентных феноменов были разными. Интенсивность процесса накопления и закрепления прецедентных феноменов, на наш взгляд, напрямую связана с процессом обмена информацией между людьми. Можно предположить, что объем прецедентных феноменов значительно возрос после изобретения книгопечатания и распространения книг разных авторов. Появление газет, а затем и телевидения ускорило процесс обновления когнитивных баз прецедентных феноменов и расширило сферы их источников. На данный момент процесс возникновения и отмирания прецедентных феноменов (а также их объем и варьирование) значительно ускорился за счет появления Интернета и общения людей в социальных сетях. Молодая часть сообщества, которая наиболее активно использует возможности социальных сетей, черпает источники прецедентных феноменов из виртуальной реальности. На Западе большую популярность в последнее время приобрели такие платформы, как Facebook и Youtube, в первую очередь, из-за того, что они позволяют узнавать и распространять информацию со скоростью одного «клика». Появление таких

понятий, как «viral video» или «viral song» (под которыми подразумевается молниеносное и широкое распространение разнообразных сюжетов: от видеоклипа до песни), отражает тенденции современного языкового общения. На современном этапе развития человеческого общества источником прецедентных феноменов может стать любой человек. Высказывания, ситуации, имена, ставшие прецедентными в сети Интернет, нередко переносятся из виртуального в сферу реального общения. Авторы настоящей статьи, например, ни один раз были свидетелями употребления в повседневной речи прецедентного высказывания *Ain't nobody got time for that*, принадлежащего американке Свит Браун, ставшей популярной благодаря ролику на Youtube в жанре Autotune.

Современные реалии, характеризующиеся быстрой сменой информации, быстрым ее распространением и быстрым «забыванием», находят свое отражение и в процессе формирования прецедентных феноменов. Вопрос о том, продолжит ли свое распространение современная тенденция на формирование кратковременных прецедентных феноменов, источником которых является Всемирная паутина, остается открытым.

Обобщая собранный и проанализированный материал, представляется возможным дать следующее определение прецедентным феноменам: **под прецедентными феноменами понимаются целостные единицы коммуникации, являющиеся апелляцией к прошлому явлению действительности и обладающие ценностной значимостью для отдельно взятой языковой личности или вплоть до лингвокультурного сообщества в целом.**

Основываясь на опыте Е. А. Нахимовой и В. Л. Латышевой, к **основным признакам прецедентных феноменов** относим:

1) **отсылочность**²³ – способность прецедентных феноменов осуществлять отсылку на первоисточник (отметим, что степень осведомленности о первоисточнике в каждом конкретном контексте общения может варьироваться);

2) наличие **ценностной составляющей** – прецедентный феномен должен выражать определенную (положительную или негативную) ценность, что может проявляться в коннотативной окрашенности языковой единицы, объективизирующей концепт прецедентного феномена;

3) **эталонность** – способность прецедентных феноменов выступать неким эталоном/шаблоном для факта или явления действительности;

4) **семиотический способ существования** – возможность прецедентных феноменов выступать в качестве целостной единицы обозначения.

Соответственно, к **дополнительным признакам/свойствам** прецедентных феноменов (которые не всегда могут проявляться в контексте), на наш взгляд, относятся:

1) широкая распространенность и общеизвестность;

- 2) клишированность;
- 3) возобновляемость и повторяемость;
- 4) метафоричность;
- 5) имплицитность значения;
- 6) реинтерпретируемость;
- 7) хромотопическая маркированность;
- 8) способность выражать определенные отношения между двумя различными текстами;
- 9) включенность в систему ценностей определенной группы;
- 10) способность репрезентировать культурный артефакт.

Данные свойства прецедентных феноменов, по нашему мнению, относятся к дополнительным, следовательно, они могут проявляться только в определенных контекстах и свойственны не всем прецедентным феноменам, в то время как перечисленные выше основные признаки – это именно то, что отличает прецедентные феномены от других языковых явлений и единиц.

Примечания

- ¹ См.: Караулов Ю. Русский язык и языковая личность. М., 2010. С. 215.
- ² Там же. С. 216.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же. С. 217.
- ⁵ Zolotarev M. Precedent Phenomena : The Role of Cultural Reference in Dostoevsky's Novel *Demons*. Saarbrücken, 2014. P. 7.
- ⁶ См.: Красных В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. М., 1997. С. 8–9.
- ⁷ См.: Захаренко И., Красных В., Гудков Д., Багаева Д. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Там же. С. 82.

- ⁸ См.: Красных В. Указ. соч. С. 9.
- ⁹ См.: Захаренко И. К вопросу о каноне и эталоне в сфере прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. М., 1997. С. 107.
- ¹⁰ Прохоров Ю. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 2008. С. 155.
- ¹¹ Слышкин Г. Лингвокультурные концепты прецедентных феноменов в сознании и дискурсе. М., 2000. С. 29.
- ¹² Красных В. Указ. соч. С. 8.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Смыкунова Н. Прецедентные феномены в речевом общении русской языковой личности и процессе обучения русскому языку как иностранному : дис. ... канд. пед. наук. М., 2003. С. 52.
- ¹⁵ См.: Захаренко И. Указ. соч. С. 107.
- ¹⁶ Петрова Н. Эволюция понятия «прецедентный текст» // Вестн. Иркут. гос. лингв. ун-та. 2010. Вып. 2. С. 181.
- ¹⁷ См.: Федорова Л. Прецедентные феномены культуры в сознании современной студенческой молодежи : опыт социокультурного анализа : дис. ... канд. соц. наук. Ростов н/Д, 2008. С. 25.
- ¹⁸ Макаров В. Субстантивные фразеологизмы и прецедентные имена // Вестн. Новгород. гос. ун-та. 2009. № 51. С. 76.
- ¹⁹ Там же. С. 75.
- ²⁰ См.: Далевец С. Об иерархии прецедентных феноменов в сознании языковой личности // Политическая лингвистика. 2005. № 16. С. 148.
- ²¹ См.: Мокшанцев Р. Психология рекламы : учеб. пособие. М. ; Новосибирск, 2001. С. 27–29.
- ²² Примеры по В. И. Макарову.
- ²³ Термин Н. А. Голубевой, см.: Голубева Н. Деривационная активность концепта «прецедент» // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского, 2008. № 5. С. 259–264.

УДК 811.161.1'276.16+929Екатерина II

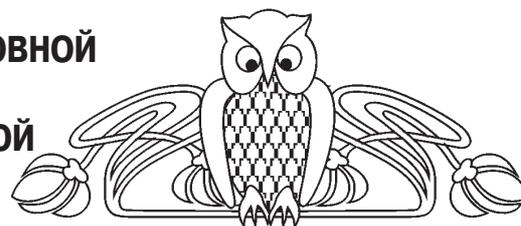
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА КАК ОСНОВНОЙ ЭЛЕМЕНТ ПРАГМАТИЧЕСКОГО УРОВНЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ

А. Ю. Никитина

Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова,
Чебоксары
E-mail: alyona.nikitina@gmail.com

В статье рассматривается специфика языковой личности Екатерины Второй на прагматическом уровне, анализируются использованные в ее текстах фразеологические единицы как основное орудие прагматического воздействия на реципиента.

Ключевые слова: Екатерина Вторая, языковая личность, прагматический уровень, фразеологическая единица.

Phraseological Unit as the Main Element of Pragmatic Level of Language Personality of Catherine II

A. Yu. Nikitina

The article analyzes the specificity of the linguistic personality of Catherine II on a pragmatic level, studies phraseological units, used in her texts, as the main instrument of pragmatic impact on the recipient.

Key words: Catherine II, linguistic personality, pragmatic level, phraseological unit.